

ЛЕОНАРДО БРУНИ И ЕГО ПРАВСТВЕННЫЙ ИДЕАЛ

О. В. Гуторович

Военно-космическая академия имени А. Ф. Можайского

Поступила в редакцию 20 апреля 2023 г.

Аннотация: статья посвящена Леонардо Бруни, канцлеру Флорентийской республики, прославившемуся своей увлеченностью *studia humanitatis*. Перед автором стоит задача показать, что философу-гуманисту удалось создать нравственный идеал человека. Рисуя образ добродетельного человека, Бруни дает не только характеристику основным добродетелям, он уделяет внимание проблеме взаимоотношения личности и общества, отстаивает активный образ жизни на благо общества и демонстрирует убежденность в том, что образование является основой нравственного поведения человека.

Ключевые слова: Леонардо Бруни, Аристотель, эпоха Возрождения, гуманизм, добродетель, нравственность.

Abstract: the article is dedicated to Leonardo Bruni, the Chancellor of the Florentine Republic, famous for his passion for *studia humanitatis*. The author is faced with the task of showing that the humanist philosopher managed to create a moral ideal of man. Drawing the image of a virtuous person, Bruni not only characterizes the basic virtues, he pays attention to the problem of the relationship between the individual and society, defends an active lifestyle for the benefit of society and demonstrates the conviction that education is the basis of moral human behavior.

Key words: Leonardo Bruni, Aristotle, Renaissance, humanism, virtue, morality.

Леонардо Бруни Аретино (1370–1444) получил известность не только как политический деятель, высказывавшийся против олигархического правления и отстаивавший идеалы демократии. Интерес к канцлеру Флорентийской республики, выполнявшему свои должностные обязанности на протяжении двадцати лет, стороннику гражданского гуманизма связан и с его творческой деятельностью.

В становлении философа-гуманиста первой половины XV в. существенную роль сыграл Колуччо Салютати. Родоначальнику итальянского гуманизма удалось передать своему ученику увлеченность *studia humanitatis*. Неслучайно в своих произведениях Бруни освещает вопросы морали, затрагивает историческую и политическую проблематику, интересуется грамматикой, риторикой и педагогикой. Восхищение гуманистическими познаниями философа заставляло искать повод для встречи с ним и приглашения «на любых условиях переехать к королевскому двору» [1, с. 73]. Перед нами философ, чья «склонность к остроте в обсуждении насущнейших историко-культурных вопросов» [2, с. 189] и вера в безграничные творческие возможности человека оказали влияние на духовный склад эпохи Возрождения.

Свидетельством его таланта являются многочисленные переводы произведений античных философов на латинский язык, работая над которыми он стремился сохранить истинный смысл оригинальных текстов. Осознавая всю ответственность, лежащую на переводчике, Бруни исключал ложные выводы, темные иносказания, нелепые догадки, ведущие к искажению учений древних мыслителей. Философу-гуманисту принадлежат и собственные сочинения, среди которых, «История флорентийского народа», «Восхваление города Флоренции», «О Флорентийском государстве», «Против лицемеров», «Введение в науку о морали», «О научных и литературных занятиях» и многие другие.

Античное наследие сформировало мировоззрение философа с характерной активной гражданской позицией, защищающей идеалы республиканского строя Флоренции. Во взглядах мыслителя просматривается также интерес к человеческой личности, преклонение перед ее заслугами и истинным достоинством, исключаящим благоговейный трепет перед родовитостью и благородством по происхождению.

Рассуждения Леонардо Бруни о человеке сыграют решающую роль в самоопределении всей гуманистической культуры XV в. и предвосхитят идеи филосо-

фов-флорентийцев, представляющих Платоновскую академию. Демонстрируя веру в высокое предназначение человека, чей разум сопрячен божественному разуму и открыт к невероятным познаниям, Леонардо Бруни удалось создать, а затем воплотить в своей жизни и нравственный идеал, что не осталось незамеченным его современниками. Поэтому в кратчайшие сроки после кончины философа-гуманиста появился значительный корпус сочинений, посвященный его творчеству и жизнедеятельности, а Бернардо Росселино создал архитектурно-скульптурный мемориал, сравнимый по масштабу и величию с гробницами монархов или церковных иерархов [3, с. 99–100].

Бруни предлагает свой идеал образованной нравственной личности, акцентируя внимание на «гуманистических занятиях» и образовании, основные принципы которого он раскрывает в трактате «О научных и литературных занятиях» (1422–1425), посвященном итальянской поэтессе Баттисте ди Монтефельтро.

Восхищаясь интеллектуальными свершениями предшествующих эпох, автор сетует на бессистемное теологическое образование и, как следствие, упадок наук. В его понимании «настоящее и свободное» образование предполагает соединение «фактического знания» с владением языком. Таким искусством овладели немногие великие теологи – Лактанций, Аврелий Августин, Иероним. Очевидно, что на пути к совершенствованию своих познаний необходимо обстоятельное изучение языка, глубокое знание основ которого позволит проникнуть в смыслы, заложенные в «писаниях ученых людей». Необходимо познать науку о языке, созданную римскими грамматиками Сервием Гоноратой и Присцианом Цезарийским [4, с. 54]. Она позволит избегать ошибок, как в устной, так и письменной речи, что является свидетельством невежества. Знание грамматики предполагает понимание «природы букв и переход их в другие», представление о слогах, осведомленность о стопах – структурных единицах стиха.

В качестве наставника Бруно утверждает, что на пути познания следует придерживаться избирательного чтения, так как только лучшие книги совершенствуют ум и обогащают духовной мир. «Неумело написанные» книги ведут человеческий ум к недугам и порокам. Для сохранения здоровья души не следует поглощать любую пищу. Важно также акцентировать внимание на анализе прочитанного материала и серьезных размышлениях.

Положительное отношение к женской учености побуждает Леонардо Бруни дать ряд рекомендаций для образования и воспитания женщин [5]. Воспитание благородства требует чтения священных книг, авторами которых являются Августин, Иероним, Амвросий, Киприан Карфагенский, Лактанций Фир-

миан. Их красноречие насладит и наполнит душу гармонией. Необходимо приобщиться и к совершенному языку Цицерона, Вергилия, Ливия, Саллюстия, который следует воспринимать в качестве образца для подражания. При этом арифметике, геометрии, астрологии и риторике не стоит уделять внимание. Их изучение не принесет практической пользы, а лишь отнимет у женщины время. Участие же дамы в судебных разбирательствах и произнесение речи в сопровождении «громких воплей» и «размахивания руками» [4, с. 57] Бруно сравнивает с безумством. Философ убежден, что женщине нужно освоить две области знания – религию и добродетель. В их постижении существенная роль отводится истории, философии и поэзии. История освещает вопросы происхождения и развития своего народа, философия дарит мудрые суждения, поэзия вооружает знанием совершенного языка. Познания способствуют воспитанию добродетельного человека, для которого скромность, умеренность, воздержанность, щедрость, великодушие, мудрость и доброта дарят не просто наслаждение, а составляют смысл жизни.

Вопросы добродетельного морального поведения поднимаются Леонардо Бруни и в работе «Введение в науку о морали» (1421–1424). Философ-гуманист убежден, что благородного человека отличает разум и понимание происходящего. Он ценит добродетельное поведение и противопоставляет стихийным поступкам осмысленные, обдуманые и взвешенные решения. Существенную пользу человек приобретает, изучая философию. Она освобождает от «мрака и слепоты человеческий род», «развеивает туман, смущающий нас, и отделяет истинный жизненный путь от ложного» [6, с. 49]. Особое внимание Бруни обращает на науку о нравах, которую рассматривает в качестве «величайшего и превосходнейшего дара», способного подарить человеку благоденствие и благополучие. Ей под силу определить цель и предел в делах человеческих, сущность цели, способы ее достижения, понять смысл жизни. С точки зрения мыслителя, такой предельной целью является благо и счастье.

Свои представления о счастье и благе Леонардо Бруни сформулировал еще на заре своей гуманистической деятельности, связав их с общественным бытием человека [7, с. 427]. Жизнь человека связана с судьбой родины, ему надлежит заботиться о ее благополучии и процветании, а счастливому человеку, прежде всего. Такая мысль звучит в «Диалогах к Петру Павлу Гистрию» (1401) [8, с. 44]. Бытие человека, его благо и счастье предполагают деятельность на благо общества. В «Восхвалении города Флоренции» (1403) философ высказывает мысль, что ни величайшая власть, ни политический триумф не гарантируют достижения счастья, оставаясь лишь

внешним блеском [7, с. 427–428]. Успех обеспечивается ощущением счастья тогда, когда свой труд и усилия человек отдает на благо других. Исполнение долга приносит удовлетворение, реализация общественного долга дарит счастье. Счастье пронизано социальным мироощущением.

Различные философские учения исследуют проблему счастья, высшего блага. Все многообразие представлений можно свести к нескольким позициям. В «Ведении в науку о морали» Бруни раскрывает их, сопоставляя мнения античных философов и аргументируя свою точку зрения. Критическому осмыслению подверглись взгляды Демокрита, Евдокса, Аристиппа, Эпикура, Платона, Аристотеля, Теофраста, Зенона.

Эпикур и его последователи отождествляют счастье с наслаждением. Автор не разделяет гедонистический подход, считая, что наслаждение нельзя рассматривать в качестве цели жизни человека. По мнению же перипатетиков, следует различать «три вида добра: души, тела и внешние». «Счастье относится к благам души» и оно не мыслится без «привычки к добродетели» [6, с. 52], порождающей блаженство. Высшее благо предполагает «хорошо жить и хорошо действовать» в соответствии с разумом. Добродетель способна защитить человека от телесных мучений, препятствующих деятельности. Ей под силу противостоять даже отсутствию внешних благ. Тем не менее при такого рода несчастьях рассуждать о блаженстве человека не приходится. В свою очередь, последователи Зенона были убеждены, что добро следует отождествлять с нравственностью, которая не мыслится без добродетели, дарующей человеку жизнь в блаженстве. Стоики рисуют образ мудрого человека, наделенного силой духа и мужественной душой, способной вынести все скорби, страдания и удары судьбы.

Оценивая каждую позицию, Бруни демонстрирует близость полемизирующих концепций, заключающуюся в убеждении, что «добродетель преобладает и управляет жизнью в блаженстве» [6, с. 55]. Существующее же различие сводится к несхожим оценкам в понимании места и роли несчастий в жизни человека, включая плотские страдания. Последователи Аристотеля убеждены, что блаженству противостоят великие и большие бедствия, но мудрый человек способен справиться с ситуацией. Стоики, для которых жизнь изначально полна несчастий, катастроф и страданий, предполагают, что человек способен испытывать блаженство в самом противодействии бедствиям.

Бруни не разделяет позиции Эпикура и Зенона. В своих рассуждениях он солидарен с перипатетиками. Просматривается убежденность философа-гуманиста в том, что счастье находится в руках самого человека. Почитая добродетель и совершая добрые

дела, человек обретает смысл жизни, а исполняя общественный долг, получает признание и почести.

В сочинении «Ведение в науку о морали» Бруни уделяет большое внимание описанию самих добродетелей, составляющих основу нравственности и наслаждения. Рассуждая о сущности добродетели, философ квалифицирует ее как душевное свойство, приобретаемое ежедневными тренировками и усилиями души, а также деятельностью, оттачивающей определенные черты характера. В классификации Бруни добродетели разделены на две группы – моральные и интеллектуальные. Первые касаются нравов, вторые – разума. Опираясь на этику Аристотеля [9, с. 120], Бруни заявляет, что моральные добродетели составляют середину между двумя негативными качествами, одно из которых составляет избыток качества, а другое недостаток. Такое определение не распространяется на интеллектуальные добродетели. Им не представляется возможным выставить предел. Моральные добродетели апеллируют к чувствам человека и его поступкам, интеллектуальные затрагивают область познания истины. В предложенной философом-гуманистом сравнительной характеристике добродетелей отмечается, что моральные добродетели невозможно сосчитать, так как они производны от человеческих чувств, спектр которых невероятно широк. Иначе обстоит дело с добродетелями разума, их всего пять – «мудрость, знание, опыт, понимание и искусство» [6, с. 58].

Моральные добродетели противопоставлены философом природным склонностям человека и плотским желаниям, поэтому быть добродетельным сложно. Человек вынужден переступить через себя, свое малодушие, трусливость, нетерпеливость. В этом ему помогает цель, которая своей силой способна воспламенить и увлечь, заставить двигаться человека к высшему благу, к счастью.

Вызывают уважение и такие добродетели, как щедрость и величие. Щедрость исключает скупость или алчность, она не предполагает безумного расточительства. Опираясь на рассудок, щедрость позволяет человеку вести рационально свои дела, осуществлять умеренные траты, оказывать бескорыстную помощь другим. Величие свойственно далеко не всем, его проявление подразумевает приоритет общественных интересов, а также существенные расходы на благо других. В идеале щедрость и величие должны исключать честолюбие. Им ближе великодушие – моральное качество, в котором гуманность превосходит меру общепринятых норм. Такой человек заслуживает почестей.

Рисуя нравственный идеал, Бруни уделяет внимание кротости. Ей суждено противостоять ярости, гневу, раздражительности, жажде отмщения. При этом было бы не справедливо считать кротость про-

явлением слабости характера – скорее, выражением силы духа и уравновешенности рассудка, свидетельствующих о превосходстве человека, являющихся показателем его совершенства и достойных всяческого восхваления. Тем не менее, следуя Аристотелю, философ утверждает, что в исключительных ситуациях гнев оправдан, так как, воспламеняя душу, он позволяет добиться успеха. В «Никомаховой этике» Аристотель высказывал мысль, что «безгневность» есть недостаток [10, с. 34]. Тех же, «у кого не вызывает гнева то, что следует», и тех, «кого гнев охватывает не так, как следует, не тогда и не на тех, на кого следует», можно назвать «глупцами» [11, с. 87]. Придерживаясь перипатетической позиции, Бруни допускает, что оскорбления родины, родителей, детей, дорогих сердцу людей не исключают порывистых движений души.

В ряду добродетелей пребывают серьезность, умеренность и обходительность – качества, позволяющие избегать целого ряда пороков. Осуждению подвергаются угодничество, лесть, излишняя враждебность и ненависть к человеку. Неодобрение вызывают хвастовство и притворство. Высказывается порицание в отношении шутовства, неотесанности и иронии, принижающей достоинство других. По мнению философа, «мы много грешим в жизненных взаимоотношениях. Ведь всегда находятся какие-нибудь недовольные – суровые, трудные, бесчеловечные люди; и наоборот, противоположные им – льстецы, в стремлении к восхвалению соглашающиеся со всеми и во всем; и того и другого необходимо избегать» [6, с. 62]. Общение требует правдивости, любезности, остроумия и дружелюбия.

Особое внимание Бруни обращает на справедливость, указывая, что ей свойственна двойственность. «Справедливость, – отмечает философ в «Введении в науку о морали», – двойственна. Одна справедливость – совершенная, и она включает в себя всякую добродетель. Вторая же справедливость является частной и представляет собой соразмерность» [там же, с. 62–63]. Как видим, основанием для различения двух типов справедливости являются совершенство и соразмерность. Соразмерность характерна для частной справедливости, предполагает ровно то, что способствует достижению положительного результата, и не вызывает неудобства и неприятностей. Суть ее в том, чтобы «не предпринимать ничего больше того, что нужно для достижения пользы» [там же, с. 63].

Другой тип справедливости квалифицируется в качестве совершенной добродетели. В совершенство заложено два значения. Первое указывает на противопоставление врожденным свойствам. Бруни убежден, что «не вызывает сомнения то, что мы приближаемся к справедливости, смелости, умеренности,

щедрости, будучи как бы приспособленными к ним от природы. Однако опыт, и привычки, и также сама практика, настраивают нас так, чтобы, в конечном счёте, то, что было заложено в нас от рождения, стало бы совершенным уже благодаря привычке» [там же, с. 63].

Второе значение определяет содержание совершенной добродетели, подразумевающей включение в себя любой другой добродетели, будь то смелость, щедрость, умеренность и многое другое. Но «называется она совершенной не потому, что включает в себя все добродетели, а потому, что существует словно бы некая завершенная и абсолютная добродетель» [там же, с. 64]. Такая добродетель играет роль смотрителя, «стража» и «блюстителя» закона.

В таких рассуждениях философа-гуманиста вновь просматривается приверженность Аристотелю, который в «Никомаховой этике» недвусмысленно указывал на различие двух видов справедливости: общей и частной» [12, с. 91]. Основоположник школы перипатетиков считал, что бескорыстие, честность, признание равенства в отношении с другими людьми соотносятся с понятием «частная справедливость», ее отсутствие порождает своекорыстие. К общей справедливости предъявляется больше требований, она немыслима без соблюдения законов, исключает их нарушение, гарантирует всеобщую защищенность.

Все вышеназванные моральные добродетели опираются на разум, порочный же образ жизни исключает нравственную основу и теряет разумное обоснование поступков, сопровождаясь наслаждением от свершения дурных действий, достойных порицания.

В свою очередь, интеллектуальные добродетели также исходят из рациональной части души. Из пяти интеллектуальных добродетелей опыт имеет самую тесную связь с моральными добродетелями. Он присутствует в деятельности человека, предоставляя необходимую информацию и определяя сознательный выбор человека. Опыт устраняет сомнения и приобретает особое значение в делах и ситуациях, склонных к трансформации. В отличие от опыта знание опирается на то, что уже познано, устоялось и характеризуется неким постоянством. Оно не соотносится с первоначалами, они связаны с пониманием. Мудрости же суждено распространяться как на первоначала, так и на то, что из них следует. Последняя интеллектуальная добродетель – искусство – имеет сходство с опытом, отличие между ними лежит в сфере применения. Искусство обнаруживает себя в ходе творческого процесса.

В отношении добродетелей Бруни делает вывод, что они многочисленны, поэтому могут проявлять себя, как в активной деятельной жизни, так и в процессе пассивного существования, направленного на

созерцание и познание окружающего мира. Упражняясь в добродетелях, человек приближает блаженство. Только добродетельному человеку открывается искреннее понимание, что есть благо. Только через борьбу со своими пороками и страстями он приближает счастье.

Объективная оценка нравственного идеала невозможна без характеристики пороков. Бруни принадлежит знаменитая речь «Против лицемеров» (1417), в которой внимание автора привлекает один из самых тяжких и безобразных пороков, именуемых лицемерием. Закладывая основы гуманистической этики, философ критически высказывается в отношении монахов, лицедейство которых служит лишь одной цели – скрыть свою истинную сущность, «дурные мысли и злой нрав» [13, с. 45]. Под маской доброго человека скрывается вероломство, хитрость, надменность, честолюбие, жадность, развращенность, коварство, противопоставленные душевной чистоте, святости и искренности. Их речи и жизнь демонстрируют удивительное противоречие. Призывая к совести, честности и справедливости, они не исключают для себя лжи, пристрастности и беспринципности. Гибкость и щепетильность в отношении самих себя сменяются жесткостью и непреклонностью в отношении других. Даже их печальный и суровый внешний вид на поверку оказывается фальшивкой, предназначенной для восхваления того, чем не наделен и не обладает лицемер. Описывая присущую монахам-лицемерам порочность, автор обнаруживает не только общественные язвы, но и в очередной раз рисует свой образ добропорядочного человека.

Таким образом, попытка описать нравственный идеал Леонардо Бруни, позволяет не только воссоздать образ добродетельного человека, она обнаруживает, что философ в своих представлениях уделяет большое внимание взаимоотношениям личности и общества, требует активной жизни на благо общества, рассматривает образование в качестве основы нравственности. В основе этических представлений Бруни лежит греческое наследие. Он не только популяризирует его, но и использует для создания новой гуманистической этики эпохи Возрождения, развитой в трудах гуманистов следующего поколения.

Военно-космическая академия имени А. Ф. Можайского

Гуторович О. В., кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры истории и философии, почетный работник сферы образования РФ

E-mail: vka@mil.ru

ЛИТЕРАТУРА

1. *Баткин Л. М.* Итальянское Возрождение : проблемы и люди / Л. М. Баткин. – М. : Рос. гос. гуманитарн-т, 1995. – 448 с.
2. *Иванова Ю. В.* Гуманистический диалог / Ю. В. Иванова // История литературы Италии. – М. : ИМЛИ РАН, 2007. – Т. 2, кн. 1. – С. 187–253.
3. *Соловьёв С. В.* Леонардо Бруни post mortem. Тавтография гуманистического идеала первой половины XV века / С. В. Соловьёв // Cursor mundi : человек Античности, Средневековья и Возрождения. – 2020. – № 11. – С. 98–117.
4. *Бруни Л.* О научных и литературных занятиях / Л. Бруни // Эстетика Ренессанса : в 2 т. – М. : Искусство, 1981. – Т. 1. – С. 51–66.
5. *Каюмова М. М.* Воспитание и образование детей в эпоху Возрождения / М. М. Каюмова // Russian Linguistic Bulletin. – 2022. – № 2 (30). – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vospitanie-i-obrazovanie-detey-v-epohu-voztrozhdeniya>
6. *Бруни Л.* Введение в науку о морали / Л. Бруни // Сочинения итальянских гуманистов эпохи Возрождения (XV век) / под ред. Л. М. Брагиной. – М. : Изд-во Моск. ун-та, 1985. – С. 49–67.
7. *Эльфонд И. Я.* Леонардо Бруни, этика гражданского гуманизма и греческое наследие / И. Я. Эльфонд // Известия Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер.: История. Международные отношения. – 2016. – Т. 16, вып. 4. – С. 424–432.
8. *Bruni L.* Dialogi ad Petrum Paulum Gistrum / L. Bruni // Prosatoti latini del quattrocento / A cura di E. Garin. – Milano, 1952. – P. 44.
9. *Рунаев Р. Ю.* Учение Аристотеля о добродетелях и его социальные перспективы / Р. Ю. Рунаев, О. Н. Диденко // Logos et Praxis. – 2019. – № 4. – С. 118–124.
10. *Мухина В. С.* Отчуждение от себя : гнев, уничтожающий личность / В. С. Мухина, А. А. Хвостов // Развитие личности. – 2011. – № 1. – С. 27–47.
11. *Аристотель.* Никомахова этика / *Аристотель* // Соч. : в 4 т. – М. : Мысль, 1984. – Т. 4. – С. 54–91.
12. *Кашников Б. Н.* Концепция общей справедливости Аристотеля : опыт реконструкции / Б. Н. Кашников // Этическая мысль. – 2001. – № 2. – С. 89–117.
13. *Бруни Л.* Против лицемеров / Л. Бруни // Итальянские гуманисты XV века о церкви и религии. – М. : Изд-во Акад. наук СССР, 1963. – С. 45–54.

Military Space Academy named after A. F. Mozhaisky Gutorovich O. V., Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of History and Philosophy, Honorary Worker of Education of the Russian Federation

E-mail: vka@mil.ru